

Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1892. 80 с.

Голодников К. М. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. [Тобольск] : Тип. Тобольского губ. правл., 1887. 139 с.

История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. М. : Статистика России, 2013. 143 с.

Источниковедение. Теория. История. Метод : учебное пособие / И. Н. Данилевский и др. ; РГГУ. М. : РГГУ, 2004. 702 с.

Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск : В тип. Губ. правл., 1860. 229 с.

УДК 94(47).084.6 + 32.001

М. А. Фельдман

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ «КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА» ИЛИ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ МАССОВЫЙ ТЕРРОР?

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Статья посвящена анализу различных сторон практики сталинизма в период 1936–1937 гг. Отмечается глубокое расхождение среди историков в оценке событий 1930-х гг. Указывается значение выхода ста лучших книг российских и зарубежных авторов по истории репрессивной политической системы в СССР, осуществленного издательством РОССПЭН в рамках проекта «История сталинизма». На конкретных примерах раскрыта ненаучность попыток реанимации сталинизма. Проанализирована связь декларативных пропагандистских лозунгов и реальной террористической практики 1937 г. Выявлена специфика репрессий 1937 г. в управленческой среде Свердловской области.

Ключевые слова: Свердловская область, управленцы, Сталин, террор, репрессии, реформа, партийный аппарат, репрессивные методы, конституционная реформа, НКВД, кадровая политика.

Взвешенный, аргументированный подход требуется при освещении любого исторического периода. Но, пожалуй, в наибольшей степени при изучении событий 1930-х гг., в которых переплетены созидательный труд, взлет научно-конструкторской мысли и жесточайшие репрессии сталинского режима, разлом в душах миллионов советских людей. Максимальная

тщательность оценок, критический и аналитический разбор источников необходимы для реконструирования событий того периода; вынесения суждений о роли конкретного человека в политических водоворотах 1937 г.

Анализ различных сторон сталинизма как модели социального конструирования обнаружил глубокие расхождения в оценках историков. Выпуск ста лучших книг российских и зарубежных авторов по истории репрессивной политической системы в СССР, осуществленный издательством РОССПЭН в 2008–2010 гг. в рамках проекта «История сталинизма», подвел определенную черту в научном осмыслении периода истории советского общества конца 1920-х — начала 1950-х гг. [Медушевский, 2010, с. 3].

В то же время появляются статьи [Жуков, 2002] и книги [Жуков, 2003; Жуков, 2008; Жуков, 2011], выстраивающие фантастические картины событий 1937 г. — «как результата деятельности Сталина-реформатора, пытающегося дать стране демократию, и своекорыстных партийных бюрократов-ортодоксов, всячески притеснявших вождя», основанные на вольном обращении с источниками, а также игнорировании реальных фактов, не вписывающихся в придуманную схему [Хлевнюк, 2010, с. 13]. В информационное пространство вбрасываются надуманные версии о *принципиальных разногласиях* «демократа» Сталина и ортодоксальных партийных деятелей, отказывающихся поступиться своими принципами [Жуков, 2002, с. 8].

На протяжении многих лет, пожалуй, наиболее настойчивые попытки реанимировать и реабилитировать Сталина предпринимал московский историк Ю. Н. Жуков, «открывший» научному миру конституционную реформу второй половины 1930-х гг. По его бездоказательному утверждению, период 1934–1936 гг. был временем «потепления» и «умиротворения» [Там же, с. 3], а два постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1934 г. стали определяющими для внутренней политики СССР, поскольку утверждали даты созывов и повестку очередных съездов Советов, нацеленных на принятие «Конституционной реформы» [Там же].

Ю. Н. Жуков объясняет необходимость принятия Сталиным новой Конституции и «политической реформы», во-первых, «безраздельным господством социалистического уклада в экономике», во-вторых, превращением крестьянства в «организованную массу». Подобные перемены должны были привести к отказу от диктатуры пролетариата, а также к принятию избирательной системы, связанной с тайным (закрытым) голосованием, еще недавно называемой «буржуазно-демократической» [Там же, с. 5–6].

Одним из доказательств своей трактовки произошедшего в 1936–1937 гг. Ю. Н. Жуков считает тот факт, что VII съезд Советов СССР и пленум ЦК

единогласно, без каких-либо замечаний или поправок приняли постановление, сформулированное Сталиным, о внесении в Конституцию СССР изменений и замены открытого голосования закрытым. При этом автор не скрывает: предшествующее событие — приговор военной коллегии 78 сторонникам оппозиции — убедительно продемонстрировал, «что ожидает не согласных с новым политическим курсом» [Жуков, 2002, с. 7]. И продолжает деланно удивляться: на Пленуме ЦК 1 июня 1936 г. все члены ЦК единогласно проголосовали за проект Конституции, но, с другой стороны, *никто не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски*. Ю. Н. Жуков подчеркивает: репрессии должны были оказать прямое воздействие на членов ЦК, делегатов предстоящего съезда Советов СССР. Каким образом Ю. Н. Жуков квалифицирует подобное поведение членов ЦК как «бесславное поражение» Сталина, вынужденного «смириться с волей партюкратии, оказавшейся сильнее», как победу «партюкратии», — остается только догадываться [Там же, с. 10, 13, 14].

На этом фоне заявление Ю. Н. Жукова о том, что на VII съезде Советов СССР сторонники сталинских политических реформ «стремились добиться безоговорочного принятия проекта новой конституции ради скорейшего воплощения ее основных принципов» [Жуков, 2003, с. 307], выглядит, мягко говоря, странно. Ощущение странности усиливается, когда автор отмечает, что главная цель у Сталина была *все-таки иная*: «прежде всего смена широкого руководства за счет новых сил». Такая смена должна была пройти «на основе альтернативных выборов» [Там же, с. 309].

О несерьезности подобных утверждений свидетельствуют отмеченные Ю. Н. Жуковым волны репрессий по отношению к «оппозиционерам». Так, в летние месяцы 1936 г. под арестом оказались многие работники промышленных наркоматов, военачальники, партийные работники. С учетом того, что практически все арестованные принадлежали к числу профессиональных революционеров и активных участников Гражданской войны, сталинский сигнал был очевиден; автор, соотнося этот сигнал с конкретным списком управленцев, расшифровывает его следующим образом: «все они оказались своеобразными заложниками». Но реальный адресат был куда масштабнее: «чистосердечные показания» на процессе стали «основанием для далеко идущих выводов и обобщений». Подлинное содержание сигнала Сталина не оставляло никаких иллюзий, подталкивая даже вчерашних членов Политбюро к самоубийству или к покорному ожиданию расправы [Жуков, 2002, с. 13].

Жукова не смущает проявление явного фарса в словах Сталина, сообщившего в беседе с американским газетчиком, что избирательные списки на выборах будут готовить не только Компартия, но и всевозможные общественные организации [Жуков, 2002, с. 9]. Для человека, хотя бы немного знакомого с историей диктатуры правящей партии на протяжении десятилетий советской истории, такая фраза выглядит очевидной бутафорией.

Наглядное сочетание декоративных слов о Конституции и «демократической реформе» с целенаправленной подготовкой к широкомасштабным репрессиям продемонстрировал пленум ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. в однодневном перерыве работы VII съезда Советов. На основе выбитых, сфальсифицированных признаний в подготовке убийства «наших лучших людей» [Жуков, 2003, с. 318] «оказалось возможным отнести к врагам партии, народа, любого» (гражданина СССР)! Сделав такое признание, Жуков тут же дает непостижимый комментарий: группа Сталина «попыталась продемонстрировать свою силу, возможность достигать намеченных целей, не прибегая к репрессивным мерам» [Там же, с. 324]

Автора не смущает, что на январском (1937) пленуме ЦК Сталин обозначил *круг* тех, кому предстоит лишиться своих постов: 3–4 тыс. управленцев высшего звена, 30–40 тыс. — среднего, 100–150 тыс. — работников низового звена; определил *срок* — шесть месяцев; смог сознательно «усложнить и запутать определение *понятия «враг» (!)* и после этого (Жуков не сомневается — искренне) говорить о необходимости бережно относиться к людям [Там же, с. 358].

«Сложные кадровые перестановки» в январе 1937 г. автор со всей определенностью объясняет «выявившимся отношением к конституционной реформе» [Там же, с. 324]. В сопровождении, по образному выражению Ю. Н. Жукова, «оголтелой пропагандистской кампании и массовой охоты на ведьм и шпиономании», практически все переведенные работники были арестованы. Показав пример сфабрикованных дел и процессов, запустив машину массового террора, Сталин и его окружение увидели нескончаемый поток шифрограмм «с взятыми заведомо с потолка цифрами подлежащих репрессиям» [Жуков, 2002, с. 16, 24].

Отметив факт начала широкомасштабных репрессий против населения, Ю. Н. Жуков с легкостью сообщает, что главное содержание Пленума ЦК в феврале — марте 1937 г. заключалось не в поиске врагов и не в проблеме «вредительства», а в «предстоящих выборах в Верховный Совет СССР». При этом члены ЦК «не могли не поддержать предложенную им резолюцию» (видимо, по причине запугивания, о котором автор говорил выше), а также потому, что о новом положении о выборах «они так ничего

и не узнали» (!). Несуразность происходящего остается вне поля зрения Ю. Н. Жукова, констатирующего: «все резолюции Пленума были единогласно одобрены» [Жуков, 2002, с. 17, 18, 23].

Не обращая внимания на противоречие своих суждений, Жуков тут же отмечает: подготовка публикации избирательного закона проходила в «обстановке разрастающейся шпиономании, готовой в любую минуту перейти в массовый психоз». В такой обстановке Сталин достигает «полной узурпации власти», «нарушив Устав партии, а заодно и положение о полномочиях СНК СССР, пренебрегая только что утвержденной Конституцией» [Там же, с. 19–20].

О какой же «политической реформе» здесь может идти речь, если, рассматривая массовые репрессии 1937 г., автор не скрывает: они проводились «грубо, без достаточных юридических оснований, исходя из показаний подследственных»? О какой «конституционной реформе» можно говорить всерьез, если, по признанию Жукова, в такой тяжелой обстановке «документы о конституционной реформе уже не имели никакого смысла» [Там же, с. 21, 25]?

Честно говоря, сложно припомнить в научной литературе последних десятилетий столь неуклюжей попытки выдать черное за белое. Единственное, чем примечательна публикация Жукова, — это очевидное подтверждение бесосновательности попыток найти демократичность в действиях диктатора.

Комплексный и фундированный, наиболее полный анализ документов, связанных с деятельностью Сталина в 1930-е гг., привел О. В. Хлевнюка к выводу об особой приверженности Сталина к репрессивным методам решения любых проблем. Эта тенденция не выглядела чем-то исключительным, если учесть политические традиции большевизма и то, что новое государство было порождением революции и Гражданской войны. Однако Сталин усугублял эти предпосылки, привнося в них особое ожесточение и нетерпимость [Хлевнюк, 2010, с. 461].

Казалось бы, издание ста книг российских и зарубежных авторов в рамках проекта «История сталинизма» дезавуирует любые попытки реанимации Сталина и сталинизма. Однако сложность, непоследовательность демократического развития России, факты масштабной коррупции в эшелонах власти время от времени порождают в общественном сознании тягу к «твердой руке» диктатора (царя), способного быстро навести порядок, не обременяя себя при этом мыслью о цене порядка.

В этой связи привлекает внимание статья А. Сушкова «“Крах империи Кабакова”: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 г.», опубликованная в историко-краеведческом журнале «Веси»

[Сушков]. Гибель в мае — июне 1937 г. «практически всего состава (Свердловского) обкома ВКП(б) и облисполкома, а вместе с ним — управленческого корпуса городского и районного уровней» [Там же, с. 48] означала только одно: был вырезан, уничтожен слой управленцев, вытянувший на себе непостижимо трудную задачу индустриализации первых двух пятилеток.

По выражению А. Сушкова, «на растерзание энкаведешным палачам» были отданы первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков, его соратники, широчайший круг людей, связанных по работе с региональными лидерами. У многих оказавшихся в застенках НКВД недавних работников партийно-государственного аппарата, включая И. Д. Кабакова, обоснованно отмечает автор, не раз возникал повод позабывать судьбе тех, кто добровольно ушел из жизни и не испытал физических истязаний [Там же, с. 48, 49].

От репрессий руководство региона не спасали ни полученные за успехи в создании уральского промышленного комплекса всего полтора года назад (в конце 1935 г.) ордена Ленина (И. Д. Кабаков в 1929–1934 гг. руководил обкомом ВКП(б) Уральской области, а после ее разукрепления работал первым секретарем обкома ВКП(б) Свердловской области), ни место в президиуме XVII съезда партии, ни доверительные неформальные отношения И. Д. Кабакова со Сталиным [Там же, с. 48].

Но что же стало причиной гибели большого числа советских людей? «Почему Сталин пошел на физическое уничтожение хорошо знакомых ему руководителей Свердловской области, а вместе с ними всего регионального партийно-государственного аппарата?» — задается вопросом А. Сушков [Там же, с. 49].

Вот здесь-то читателей и ожидает сюрприз. Причиной небывало жестоких репрессий стало «изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров... в соответствии с «основами внутрипартийного демократизма» (развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов всех уровней, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами», активизация этих самих масс и т. д.)» [Там же].

Если бы эти строки были написаны в конце 1930-х гг. на страницах партийных журналов — было бы не удивительно. Но читать такое в 2014 г.!

Чем же подкрепляет А. Сушков сталинский «призыв к демократизму партийной жизни»? Во-первых, нарушением принципов «подбора кадров по деловому принципу». Работники обкома действительно тянули за собой знакомых управленцев [Там же]. Сложившиеся патрон-клиентские связи между членами Политбюро и региональными управленцами были опре-

деленным препятствием на пути к единоличной диктатуре Сталина [Хлевнюк, 2010, с. 26, 459]. Но иной системы решения кадровой проблемы в недемократическом неправовом государстве ВКП(б) предложить, по сути, не могла. Каждый местный «вождь» формировал свою команду, исходя во многом из субъективных факторов, принципа личной преданности. Фактически автор упоминает один из основополагающих принципов реальной большевистской кадровой политики [см.: Оников].

Патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области и являвшиеся основой благосостояния партноменклатуры, ее привилегированного положения в обществе, были нормой жизни для общества этатрагического типа, где каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов [см.: Радаев, Шкоротан].

Добиваясь абсолютной власти, Сталин мог на время разрушить патрон-клиентские связи в одном возрастном слое управленцев. Однако они неизбежно возникали вновь, в рамках ведомственных и территориальных барьеров, даже в условиях полного подчинения чиновников всех уровней Сталину.

Аналогичным образом, указанная в статье система привилегий являлась только составной частью, целенаправленно формируемой сталинским режимом, такой организации общества, которая обеспечивает управление людьми при помощи различных видов контроля за их основополагающими потребностями, передвижением и изменением социального положения [см.: Медушевский, 2010].

Кто же сменил И. Д. Кабакова на его посту? Судя по сталинскому тезису, это должен был быть человек с отменными управленческими качествами. Однако сменщик Кабакова А. Я. Столяр, проработав десять месяцев, был снят с должности *как несправившийся* и арестован, а вскоре расстрелян [Сушков, с. 29–30]. Сменивший Столяра офицер госбезопасности К. Н. Валухин, известный причастностью к массовым арестам граждан Омской области, также проработав недолгий срок (восемь месяцев), был с той же формулировкой снят с работы и тоже расстрелян [Там же, с. 36–37]. Волна репрессий, потрясшая Свердловский обком ВКП(б), внешне и на короткий срок (месяц) вынесла на первые роли в области присланного из Москвы в марте 1938 г. инструктора ЦК ВКП(б) И. М. Медведева. Однако в декабре 1938 г. И. М. Медведев был отстранен от должности и, побывав в органах НКВД, «тяжело заболел» [Фельдман, 2008]. Если все это относится к основам «внутрипартийного демократизма», тогда что же относится к деспотизму?

Во-вторых, в статье А. Сушкова звучит сталинское обвинение региональным лидерам в подборе кадров с недостаточным образованием [Сушков, с. 50–51]. Однако хорошо известно, что К. Н. Валухин не имел высшего образования вообще, а Столяр в 1924 г., проучившись два года в Коммунистическом университете, занимал должности в пропагандистских структурах. «Слушатель сельскохозяйственного техникума», «слушатель Аграрного института» — значилось в личном деле И. М. Медведева [Сушков, Разинков, с. 29, 32, 36].

Но дело заключалось не в личностях сменщиков. В записке Г. М. Маленкова Сталину в феврале 1937 г. отмечалось: у секретарей обкомов правящей партии высшее образование имели только 15,7 %; у секретарей горкомов — еще меньше, 9,7 %. В то же время общеобразовательный ценз у 70,4 % секретарей обкомов и 80,3 % секретарей горкомов ограничивался начальной школой [Хлевнюк, 2010, с. 305]. Из этих цифр отчетливо виден подлинный образовательный багаж «сталинского» партийца.

В-третьих, судя по содержанию статьи, И. Д. Кабаков и его окружение несут прямую вину за «увлеченность парадностью и шумихой, пренебрежение к мнению специалистов, отсутствие производственной дисциплины, варварскую эксплуатацию оборудования, финансовые преступления, кумовство», — что было, впрочем, подчеркивает А. Сушков, «привычной картиной середины 1930-х гг.». [Сушков, с. 54]. Историкам, занимающимся социально-экономической историей 1930-х гг. (конечно, не по материалам партийных пленумов 1937 г.), хорошо известны последствия систематического произвольного вмешательства Сталина и его команды в финансовые и производственные программы и порожденные таким масштабным вмешательством явления дезорганизации и хаоса [см.: Дэвис, Хлевнюк]. Известна и взаимосвязь «отсутствия производственной дисциплины, варварской эксплуатации оборудования» и навязанной Сталиным с января 1936 г. кампании за проведение «стахановских суток» на каждом рабочем месте [см.: Фельдман, 2002].

Даже по официальным данным темпы роста объема промышленного производства, составлявшие в 1936 г. 28,7 %, снизились в 1937 г. до 11,2 %, а в 1938 г. — до 11,8 %. По более объективным расчетам эти цифры составляли соответственно 10,4; 2,3 и 1,1 % [Хлевнюк, 2010, с. 396–397].

Появление стахановского движения с осени 1935 г. вызвало у руководителей СССР абсолютно беспочвенные утверждения о возможности в кратчайший срок удвоить или утроить выпуск промышленной продукции [Дэвис, с. 450]. По мысли Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план Сталин выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения». Попытки

работников промышленных наркоматов ввести рациональные основы в организацию труда на предприятиях вызывали ожесточение и ярость вождя, репрессии уже в 1936 г. [Фельдман, 2011]. В такой обстановке оказались региональные лидеры в 1936–1937 гг.

Явно не красили руководителей Свердловской области и немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели, оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты, строительство роскошных по меркам 1930-х гг. дач и многое другое [Сушков, с. 58–62]. Копируя стиль верхнего эшелона московских чиновников, нормы быта советской номенклатуры, выстраивая *согласно секретным постановлениям ЦК и СНК* сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир [Осокина, с. 63–65], выполняя решения Политбюро о резком повышении заработной платы партийным работникам [Хлевнюк, 1992, с. 39], уральские управленцы «не отрывались от номенклатурного коллектива», выкроенного по сталинским лекалам.

В статье неоднократно отмечается грубая, высокомерная, не терпящая встречной критики манера общения обкомовцев с подчиненными [Сушков, с. 69–74]. Между тем с самого начала в большевизме (и об этом не может не знать автор) была выстроена особая система норм и правил поведения и карательных санкций за их невыполнение; идеальным типом управленца выступала фигура красного командира, который мог выполнять любые приказы без каких-либо моральных колебаний.

Серьезным обвинением И. Д. Кабакову стало раздувание культа «первого уральского большевика», присвоение имени Кабакова городу, заводам и институтам [Там же, с. 56]. Вместе с тем сам автор мимоходом отмечает: *копировалась обычная сталинская практика*; диктатор до 1937 г. спокойно относился к «разрастающимся как на дрожжах местным культам». Оттого и в Свердловске встречали и провожали Кабакова точно так же, как и верховного вождя [Там же, с. 55, 56].

Но вот вопрос: почему же в практике сталинизма столь прочное место заняли «большие и малые культы»? Культ вообще есть тип религиозной организации с набором верований, ритуалов и фетишей как объектов слепого поклонения или почитания, но он включает приверженность конкретному индивиду, который считается проводником этих верований. Культ Ленина, Сталина, других «любимых» руководителей весьма эффективно выполнял свою функцию по конструированию ценных смыслов, будучи выражением политической прагматики коммунистов [Медушевский, 2013, с. 114], блокируя любое инакомыслие на всех уровнях. Технические возможности тоталитарного государства позволяли выстраивать такую пропаганду культа вождей, которая заполняла, казалось, все сегменты информационного пространства.

Замечу, в публикации А. Сушкова присутствуют только негативные сведения о погибших управленцах. В немалой степени они взяты из материалов пленума Свердловского обкома ВКП(б) 22–23 мая 1937 г. Между тем сам автор указывает: на пленум сталинский посланец, секретарь ЦК А. А. Андреев прибыл с готовым, внесудебным решением Сталина о снятии И. Д. Кабакова с работы за принадлежность к «контрреволюционному центру правых»; подобные сведения фабриковались в НКВД и поступали Сталину [Сушков, с. 47]. Страх перед занесенным над головой свердловчан — участников пленума топором был столь велик, что «желающих выступить на пленуме обкома, *вылить свой ушат грязи на Кабакова* (выделено мной. — М. Ф.), перед которым еще недавно заискивали, и одновременно попытаться себя обелить оказалось немало» [Там же].

А. В. Сушков не скрывает подлинной ценности *политических* обвинений: НКВД инсценировало «грандиозный спектакль», сфабриковав мифический Уральский повстанческий штаб из «200 подразделений, 15 повстанческих организаций, 56 групп» (!) [Там же, с. 83]. Показательно и другое: после проведения по сталинскому приказу карательной операции в июне 1938 г. был арестован ее исполнитель Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Свердловской области [Хаустов, Самуэльсон, с. 242], вместе с рядом других начальников областных и краевых УНКВД, поразительно быстро давших показания, разоблачавшие работу «ежовцев»: «удар был нанесен не по врагам» [Там же, с. 247].

Но как же быть с обвинениями в самовольной растрате государственных средств; в кумовстве, в тяге к привилегиям? Тем и примечательна статья А. В. Сушкова, что она рисует картину *быта* большевистских региональных руководителей спустя двадцать лет после «социалистической» революции 1917 г. (анализ *работы* управленцев опирается только на такой «достоверный» источник, как материалы разоблачительного пленума!). Заглянув в зеркало быта «сталинцев», в полукриминальную повседневность сталинщины, в подлинный лик созданной им же системы с доминированием неформальных криминальных норм над формальными правовыми, вождь пришел в праведный гнев.

Задача сопоставления «ушатов грязи» и документов о подлинной роли десятков и сотен региональных управленцев и лично И. Д. Кабакова в становлении уральского промышленного комплекса, собственно говоря, и есть тот источниковедческий анализ — обязательная часть исторического исследования, — к которому, судя по материалам статьи, автор не подступал. Между тем необходимость интерпретации архивных источников для понимания исторических событий и явлений представляет рубеж, отделяющий профессионалов-исследователей от «любителей жареного».

Даже для представителей старой позитивистской школы, полагавших, что подбор источников уже гарантирует свободное написание исторических текстов (статья А. Сушкова — яркий пример такого подхода), была характерна оговорка: необходимо установить подлинность документа. В XX в. историки вышли к пониманию того, что исторический источник должен быть *демистифицирован*: необходимо расшифровать его язык, вскрыть его ментальную природу и идеологическую функцию [Гуревич, с. 213]. Такое понимание сформулировало по крайней мере два коренных условия интерпретации источников. Во-первых, свидетельства, которые содержатся в источнике, — это еще не исторический факт. Его предстоит воссоздать исследователю в результате анализа совокупности имеющихся свидетельств. Во-вторых, воссоздаемая историческая действительность — это не просто совокупность фактов, извлеченных из источников, поскольку нет прямой зависимости между накоплением фактов и глубокой, научностью понимания явления. Следовательно, сам по себе эмпирический подход не может дать объяснения исторической реальности [см.: Павлова].

В чем же заключались подлинные причины невиданных по масштабу сталинских репрессий 1937 г.? Для этого необходимо рассмотреть мотивацию действий лидеров большевизма. С точки зрения социальной истории очевидно: индустриализация чем дальше, тем очевиднее подчеркивала несостоятельность стержневой идеи марксизма о всемирно-исторической роли рабочего класса. Целое поколение малограмотных рабочих-выдвиженцев, выдвиженцев из различных маргинальных слоев (включая и самого Сталина), вошедших во власть, либо не осваивало, либо воспринимало медленно основы управленческих и хозяйственных наук [Постников, Фельдман, с. 331–334, 339–340].

Гнев Сталина, безжалостность по отношению к своей же партии, большевистским кадрам — в данном случае нежелание признать очевидное: ненаучность самой основополагающей теории, неспособность и, более того, невозможность «сталинцев» эффективно работать в сталинской системе социально-экономических отношений.

Как абсолютно точно доказывают многочисленные документы, Сталин был инициатором всех ключевых решений по чисткам и массовым репрессиям. За двадцать месяцев (январь 1937 — август 1938 г.) Сталин получил только от Ежова около 15 тыс. так называемых спецсообщений с протоколами допросов, докладами об арестах, проведении карательных операций. Сталин не только санкционировал присланные документы, но и отдавал приказы об арестах и расстрелах сотен тысяч людей, с патологической тщательностью контролировал этот процесс [Хлевнюк, 2010, с. 299].

Всего, судя по секретной ведомственной статистике НКВД, в 1937–1938 гг. органами НКВД (без милиции) было арестовано 1 575 259 человек (из них 87 % — по политическим статьям). 1 344 923 человека в 1937–1938 гг. были осуждены, в том числе 681 692 приговорены к расстрелу [Хлевнюк, 2010, с. 320].

Массовость репрессий опровергает довод о сталинской борьбе с бюрократами. Так, в 1937 г. в СССР было осуждено 272 157 рабочих, 298 184 служащих, 306 548 колхозников [Коровин, с. 33]. Можно было бы говорить о примерно равной тяжести репрессий, выпавших на долю основных социальных слоев общества. Однако слой служащих подвергся «орабочиванию». Приведем такой факт: рабочие из числа репрессированных в 30-е гг. в Удмуртии составляли 23,7 %. Однако и среди массива репрессированных — «лиц без определенного места» работы (22,4 %) насчитывалось большое число рабочих [Подшивалов, с. 16].

Если говорить об управленцах, сталинский гнев и ярость вызывали любые попытки самостоятельного осмысления хозяйственной действительности. Немалая часть директоров промышленных комбинатов Урала приняли участие в работе второго Пленума Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г. представлял собой вполне конкретный форум: собрание элиты хозяйственных руководителей (заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности). На Совете хозяйственная элита СССР, сформулировав *иные подходы* к курсу экономического развития страны, вышла на иное понимание самого содержания такого курса. *Практически все участники второго Пленума Совета были уничтожены в 1937 г.*, а ряд предложений хозяйственников отложен до 1965 г.: физическое устранение носителей иной тенденции в большевизме нередко означало *временное* забвение и *запоздалый* возврат к модернизационным подходам [см.: Фельдман, 2011].

Подведем черту: провозглашение сталинской Конституции 1936 г., призывы к демократизации партийной и советской жизни в самый разгар Большого террора выполняли вполне определенную функцию обмана отечественного и зарубежного общественного мнения, создания иллюзии новой легитимизации режима как правового [Медушевский 2010, с. 16], отвлечения внимания от реальной войны Диктатора против собственного народа.

Попытки противопоставить «плохих бояр» и «хорошего царя» не новы в публицистике. Не новы они и в той части публикаций на историческую тему, которые, формально опираясь на архивные источники, показывают полную методологическую беспомощность в их анализе.

Гуревич А. Я. Историк и история // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 209–217.

Дэвис Р. Советская экономика и начало «большого террора» // Экономическая история : Ежегодник. 2006. С.439–476.

Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка. Механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

Жуков Ю. Н. Гордиться, а не каяться. М., 2011.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26.

Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М., 2008.

Коровин Н. Р. Рабочий класс России в 30-е годы XX в. : автореф. дис. ... д. и. н. М., 1996.

Медушевский А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 5. С. 3–26.

Медушевский А. Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 114–126.

Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд из аппарата ЦК. М., 1996.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993. С.63–65.

Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

Подшивалов А. А. Меч без щита. Ижевск, 1991.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1900–1940 гг. М., 2009.

Радаев В. В., Шкоротан О. И. Социальная стратификация. М., 1995.

Сушков А. В. «Крах империи Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6 (92) (спецвыпуск «Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург»). С.46–84.

Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари Свердловского обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991 : Биографический справочник. Екатеринбург, 2003.

Фельдман М. А. Два письма из уральских архивов // Отечественная история. 2008. № 2. С. 124–128.

Фельдман М. А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г. К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. № 15. М., 2011. С. 86–95. (Труды исторического факультета МГУ)

Фельдман М. А. Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929–1941 годы) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 120–132.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.

Хлевнюк О. В. 1937. М., 1992.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

УДК 902/904

А. В. Шаманаев

«ИЗВЕСТИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ

Автор рассматривает вопрос восприятия деятельности Всероссийских археологических съездов провинциальными учеными в конце XIX — начале XX в. Источники работы — протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и рецензии, опубликованные в «Известиях» ТУАК. Исследование проведено с применением принципов антропологического подхода. Автор выявляет характер оценок, круг научных интересов, особенности личностного отношения к работе археологических съездов членов ТУАК.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, Всероссийские археологические съезды, Таврическая ученая архивная комиссия.

Всероссийские археологические съезды (АС) были ярким событием интеллектуальной жизни России второй половины XIX — начала XX в. Работа очередного съезда получала освещение в центральных и местных газетах, столичных научных журналах [см., например: XV археологический съезд, с. 223–278]. Особый интерес представляют обзоры деятельности съездов в провинциальной научной периодике.

К настоящему времени сформировался обширный корпус исследований, посвященных различным аспектам работы археологических съездов: как общему анализу деятельности, так и изучению ее конкретных направлений. Однако проблема восприятия съездов научным сообществом остается мало изученной. Так, особенности освещения работы некоторых АС в прессе рассмотрены в монографии А. С. Смирнова [Смирнов, с. 141–146, 159, 165, 175]. А. А. Непомнящий и Н. В. Кармазина проанализиро-